

Люблю простой, обдуманнй нарядъ...
 Я этихъ губъ люблю надменный очеркъ,
 Задумчиво приподнятую бровь,
 Душистыя записки, быстрый почеркъ,
 Душистую и быструю любовь;
 Люблю я эту поступь, эти плечи,
 Небрежныя, заманивыя рѣчи...
 „Но (скажутъ мнѣ) вѣ свѣта никогда
 Вы не встрѣчали женщины прекрасной?“
 Такихъ особъ встрѣчалъ я иногда,
 И даже въ двухъ влюбился очень страстно;
 Какъ полевой цвѣтокъ онѣ всегда
 Такъ милы, но, какъ онѣ, свой легкій запахъ
 Онѣ теряютъ вдругъ... И Боже мой,
 Какъ не завянуть имъ въ неловкихъ лапахъ
 Чиновника, довольнаго собой?

Эти стихи не обойдутся автору даромъ: его объявятъ за нихъ «аристократомъ», скажутъ, что внѣшнй блескъ предпочитаетъ онѣ душѣ и сердцу, и т. п. По обыкновенію, въ этомъ случаѣ ему припишутъ то, чего онѣ и не думалъ, и горячо будутъ оспаривать его въ томъ, чего онѣ не говорилъ. Дѣло тутъ идетъ не о душѣ и сердцѣ: поэтъ говоритъ совсѣмъ не о внутренней святинѣ женщины, а о ея поэтической внѣшности, которой могутъ не дорожить только натуры сухія и грубыя. Поэзія формы, изящество внѣшности, столь очаровательныя въ женщинѣ, могутъ почестся исключительными явленіями вѣ большаго свѣта. Женщины другихъ круговъ общества смотрятъ на красоту и изящество, какъ на средство поскорѣе выйти замужъ. Достигнувъ этой вожделѣнной цѣли, онѣ скоро перестаютъ и пѣть, и плакать, и читать сладенькіе стишки, и кокетливо наряжаться, и поэтически держать себя; онѣ предаются прозѣ жизни, скоро полнѣютъ, пристращаются къ утреннему дезабильѣ, забываютъ музыку, дуну, стихи, мечту и т. д. Оттого до замужества почти каждая изъ нихъ — ангелъ доброты, дѣва чудная, неземная, Полина или Надина, а послѣ замужества — солидная дама съ вѣсомъ въ обществѣ, женщина съ характеромъ, Пелагея Петровна и Надежда Алексѣевна. Тутъ есть и другая причина. Юность сама по себѣ есть уже поэзія жизни, и въ юности каждый бываетъ лучше, нежели въ остальное время своей жизни; женщины въ особенностях. Надо имѣть слишкомъ много глубины и силы въ натурѣ, чтобъ не охолодѣть въ прозѣ жизни, сберечь чувство и душу отъ холода дѣйствительности и сохранить юность сердца и въ лѣта зрѣлости, и въ годы старости. Но такія натуры слишкомъ рѣдки, и поэзія юности слишкомъ рѣдко бываетъ ручательствомъ за поэзію дальнѣйшихъ годовъ. Бракъ есть рѣшительная эпоха въ жизни мужчины и еще болѣе въ жизни женщины: для обоихъ это — гробъ поэзіи и колыбель пошлой прозы и очерствѣнія души и чувства. Авторъ «Па-

раши» превосходно охарактеризовалъ эпитетомъ «довольнаго собой» цѣлый разрядъ людей, особенно страшныхъ и гибельныхъ для благоуханной поэзіи женственныхъ существъ. Люди раздѣляются не только на умныхъ и на дураковъ: тѣ и другіе равно рѣдки, и между ними занимаетъ мѣсто огромный разрядъ пошлыхъ людей. Эти люди по большей части умны и не глупы, иногда же между ними попадаются люди не безъ ума и не безъ способностей; но главное ихъ качество въ томъ и другомъ случаѣ — довольство самими собой. Эти господа не знаютъ, что такое раскаяніе, стремленіе къ идеалу и тоска отъ невозможности достигъ его, что такое горе безъ несчастія и страданіе при хорошемъ положеніи дѣла и добромъ здоровьѣ. Какъ бы ни была глубока и богата духовными дарами натура женщины, но если ея мужемъ сдѣлается одинъ изъ такихъ господъ, ей остаются только двѣ неизбѣжныя дороги: или медленно зачахнуть, или помириться съ жизнью, какъ она естъ... Последнее всего чаще случается. Въ высшихъ кругахъ общества при этомъ не исчезаетъ поэзія внѣшности, и нарядъ остается навсегда обдуманно простъ, взглядъ разсѣянъ, насмѣшливъ и дологъ, и любовь душиста и быстра, какъ записки и почеркъ; но въ среднихъ кругахъ общества внѣшняя пошлость вѣрно отражаетъ внутреннюю, и милые полевые цвѣтки быстро вянутъ въ неловкихъ лапахъ довольнаго собой чиновника...

На другой день въ домѣ отца Параша ждуть гостя. Старикъ надѣлъ фракъ; дочь въ тайномъ волненіи; ея прическа такъ мила, перчатки такъ свѣжи... Наконецъ, гость является. Онѣ говорятъ со стариками, очаровываетъ ихъ, съ Парашей ни слова; но все въ немъ дышало «сознаніемъ внезапнаго сближенія».

И предаваясь дивной тишинѣ,
 Онъ наслаждался страстно и вполнѣ.

Поэтъ даже заставляетъ его «пытать святѣмъ и чистѣмъ жаромъ» и увѣряетъ, что онѣ былъ любимъ... Предупреждая сомнѣніе читателей, авторъ спрашиваетъ ихъ:

Скажите—ваша память мнѣ поможетъ—
 Какъ мнѣ назвать ту страстную тоску,
 Ту грустную, невольную трезогу,
 Которая беретъ васъ понемногу...
 Къ чему намъ лицемѣрить, о, друзья!
 Ее любовью называю я.

Наступаетъ ночь; хозяинъ приглашаетъ гостя погулять по саду и съ своей супругой понемногу отстаетъ отъ молодой четы. Душа Параша не совсѣмъ спокойна, а онѣ не начинаетъ разговора за тѣмъ, что боится внезапныхъ ощущеній и чувствительныхъ порывовъ, за тѣмъ, что былъ смущенъ сво-